

18+

Елизавета Абрамова

«От улыбки...»

Елизавета Абрамова

«От улыбки...»

«Издательские решения»

Абрамова Е.

«От улыбки...» / Е. Абрамова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512088-5

В маленьком провинциальном городе живет очаровательная, талантливая мастерица Аля, которая скоро окончит школу. У нее есть все: любящая семья, любимое дело, и недавно появился новый друг... Почему же долгие годы девушку преследует одиночество странной изоляции? Отчего ее мать словно живет прошлым, и обе часто мечтают о той, когда-то неслучившейся жизни? Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-00-512088-5

© Абрамова Е.
© Издательские решения

«От улыбки...»

Елизавета Абрамова

© Елизавета Абрамова, 2020

ISBN 978-5-0051-2088-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангелина П.

Иногда я не верю своим глазам. Не верю, когда они показывают мне это. Будто пленка остановилась, есть один кадр, я захожу на сцену. Могу пройти, потрогать декорации.

Вон – то старое кресло, которое каждое утро драл наш кот Барсик. А в нем сижу я сама – молодая, беспечная, увлеченная, любимая, горячо любящая, до смерти любящая, до последнего вздоха...

– Мама!

Рядом деревянный стул с бумагами, ручка, карандаш. Волосы в абсолютном беспорядке: собраны в хвост на затылке и «петухами» торчат отовсюду. Читаю Пушкина и что-то чиркаю в тетради, возвращаясь то к оригинальному тексту, то роюсь в словаре по Пушкину.

Я бы все отдала, чтобы предупредить ее сейчас. Ведь испытал жизнь без него однажды, она не знала, что сможет вынести ее снова. Я бы все отдала сейчас, чтобы она не узнала, каково жить с незаживающей кровотокающей половиной сердца.

Я бы отдала в миллионы раз больше, если бы смогла, чтобы он просто жил.

Слева наш диван, сложенный. А на диване спит Он. Он, бывало, дремал часок – другой после работы.

Я боюсь смотреть налево, но знаю, что рядом с ним должен был примоститься Барсик. Я боюсь, боюсь смотреть в его сторону. И все же поворачиваюсь к нему. А пленка вдруг стала прокручиваться дальше. Вот я, взглянув на него нежно и лукаво, убираю книгу на стул, и иду к нему. Присаживаюсь на полу рядом, целую закрытые глаза. Его губы растягиваются в нежной улыбке, он просыпается, целует меня в ответ и только потом открывает глаза – черные, как горящие поленья негнущего очага. Мы говорим, смеемся о чем-то. У нас был еще целый год впереди.

– Мама!

– Да?

Наконец, стоя в дверном проходе, я замечаю Алю. Теперь здесь все по – другому. Много. Более – менее скромный ремонт, без излишеств, ибо меня всегда мало заботили разные бытовые мелочи. Придумать что-нибудь «эдакое» с интерьером – заведомо провальное испытание для меня. Кроме того, я доверяюсь Але, она творит практически все, что хочет с обстановкой. Ее вклад так и остается самым внушительным в добавлении элементов декора будь то куклы, игрушки, салфетки, подвески или что-то еще, названия чего я не знаю. Сейчас в том углу, где стояло кресло, соседствуют два новых, менее массивных, между ними – журнальный столик, а за ним – высокая пальма, наряженная чуть скромнее, чем новогодняя елка. Аля с любопытством смотрит на меня, сидя под все еще экзотическим для меня растением с чашкой кофе.

– Будешь кофе? – предложила она после почти незаметной паузы. Однако я ее заметила. Я часто задумываюсь о чем-то, улетаю в параллельный мир, и часто – в прошлое. Аля тактично опускает вопрос, о том, где сейчас я витаю, потому что бережет мои чувства. Хотя я думаю, что ей уж не обязательно быть такой осторожной. В конце концов, лет семь я при людях не плачу, даже при Але.

– Да, дочь, я здесь сяду. Прихвати печенье. Угу, вон то. Спасибо.

Как приятно, что рабочий день заканчивается не поздно. А сегодня за отсутствием других дел, я и вовсе оказалась дома уже в четыре – удивительно свободный день!

– Тебе позволили немножко побездельничать? – усмехнулась Аля, почти галопом подсакивая ко мне с чашкой кофе и с печеньем на блюде.

– Да, можно сказать и так, – посмеялась я. – Спасибо, доча.

Дождавшись, пока я поставлю все принесенное на столик, Аля крепко обняла меня и громко чмокнула в щеку. Эх, я рада едва ли угасшей с детства ласке, но не тому, что она меня так ждет иногда, так радуется моему приходу. Я бы предпочла, чтобы она пропадала до вечера с друзьями и обсуждала то, что не очень удобно обсуждать с матерью.

Вот за что ей это?

Аля, сев на второе кресло, принялась разворачивать конфету.

– Да, представляешь, после уроков всего лишь полчаса записывали видео на конкурс чтецов с Машей...

– Цветаеву? Что все-таки выбрали?

– «Пригвождена». Полностью Машин выбор. Я только снабдила необходимыми литературоведческими знаниями, дала послушать современный романс – помогла прочувствовать. И больше меня сегодня никто не дергал. Так что я счастлива как никогда, – я зевнула и потянулась.

– Ты, Аль, пойдешь еще куда-нибудь? Сходи: погода замечательная. До дедов прогуляйся, или еще куда-нибудь...

– Не знаю, мам, посмотрим, – Аля, чуть нахмурившись, уткнулась носом в полупустую чашку.

– Не вешай нос, дружок, – я попыталась приободрить дочь. – Пойдешь завтра в школу?

– Ммм, – Аля снова нахмурилась, припоминая расписание, – нет, в пятницу пойду. Там контрольная по алгебре, и долгов побольше сдам, похоже по учителям.

– Ну и Бог с ней, в пятницу сходишь, суббота – покороче, и воскресенье будет уже, официальный выходной, – я сглотнула. – Дочь, год еще остался, потерпи. Даже меньше, – добавила я, вспомнив, что сейчас сентябрь. – А потом...

Аля выжидающе на меня посмотрела, подняв брови, как будто ей было интересно, какого рода бред она сейчас услышит.

– ... все, что пожелаешь. Захочешь – возьмешь перерыв, подумаешь год – два, куда поступать. Захочешь – поступишь и уедешь отсюда.

Мой голос предательски дрогнул на последнем слове. Я не представляла, пока не представляла нас с ней в разных городах, Алю – в одиночестве.

– Ммм... – промычала Аля наигранно и укоризненно покачала головой. – я думаю, вы глубоко заблуждаетесь, тамап. Я останусь здесь, при вас и умру старой девой.

В душе моей в очередной раз стала подниматься паника. Я встала, прошлась до окна и вернулась обратно. Передо мной сидела юная девушка 16 лет отроду, с умопомрачительной, ну, по крайней мере, точно запоминающейся внешностью. Просто роза, которая вот-вот должна распуститься и стать еще очаровательнее. Среднего роста, женственная фигура, округлое лицо с большими синими глазами, черные стрелки вразлет, маленький аккуратный носик, пухлые губы, длинные густые черные волосы, уложенные в две французские косы с вытянутыми прядями. И каждый день почти они были уложены в разные прически.

– Аля, да кто тебе поверит?! Посмотри в зеркало! – я засмеялась.

– Мам, ты прекрасно знаешь, о чем я.

Аля не верила мне, она мрачно смотрела на меня. Бедная девочка!

– Аля, в твоей жизни обязательно появится человек, который полюбит тебя. Другой любовью. И однажды он станет для тебя более необходимым, чем мать. Я буду помогать тебе

со своими внуками, доживать свою жизнь, а вы будете еще долго вместе, только вы будете самыми главными людьми друг для друга.

– Но у вас с папой случилось не так.

Это вырвалось у Али, я знаю. Она вдруг открыла рот после этой фразы, как будто чтобы поймать ее и с сожалением вздохнула:

– Прости, мам.

– Мы – исключение. Единичный случай, а у тебя будут муж и дети, которые будут сразу принимать тебя такой, какая ты есть.

– Поживем – увидим, – вставила она резко, с недоверием, – в любом случае, даже если это случится, то будет ой как несоооро.

Ох уж мне этот подростковый сарказм, да еще подкрепленный одним обстоятельством, который сильно омрачал Аленке жизнь. Отравливал. Старался загнать ее открытость и жизнерадостность куда-то далеко внутрь, чтобы никто не видел. И даже дома такое иногда случается.

– Вряд ли, доченька. Что-то подсказывает мне, что тебе не удастся оставаться свободной так долго, как ты планируешь, – я улыбнулась.

– Всю жизнь, – бросила Аля, но я видела, что лед уже таял. Хоть она и старалась дуться, хмурясь и держа скрещенные руки перед собой.

Я подошла к Але и села на пол, положила руки ей на колени и заглянула в глаза на ее юном несчастном лице.

– Моя маленькая, ты слишком хороша, чтобы оставаться одинокой долго, тем более, старой девой. Не надейся, что никто не заметит такую красивую, творческую девушку, как ты.

Аля, кажется, думала, как бы ей еще запротестовать и вдруг, пытаясь «дуться» из последних сил, выпалила:

– Я не маленькая!

– Ну, тогда не веди себя как малышка, – я щелкнула ее по носу.

Аля рассмеялась:

– Мам, с тобой невозможно разговаривать!

– Что поделать, приходится терпеть... Ты закончила подушечку уже?

– Да, утром. Пошли, посмотришь. Вася уже спит на ней, представляешь! Интересно, догадывается он, что это тоже кот? – усмехнулась Аля, вставая с кресла.

Речь идет о декоративной подушечке в виде кота, которую смастерила Аля. Она большая рукодельница. За всю жизнь успела смастерить столько, что иногда кажется, будто она родилась с иглой в руках. Чего только Аля ни делала: шила одежду (правда, чаще по самым простым выкройкам, долго шить одежду ей нравилось), сумки, косметички, подушки, иногда вязала. Но самое главное: Але нравилось декорировать – она украшала одежду, сумки и прочие изделия вышивкой, самых разных видов! Лентами, бисером, плоской и объемной – я в этом не смыслю совершенно, но Аля! Что она творит! И еще она, бывает, шьет маленьких куколок – наших соседок, которым она назначала разные места в нашей квартире.

Мы заходим в Алину комнату, и я оказываюсь в чудесной мастерской моей пчелки. Справа туалетный столик – трельяж – на зеркале венки из дикого винограда и красные бусы в форме земляники, у подножия зеркала сидит стройная феечка в платье из шифона и поглядывает на обложку книги по плетению кос (Аля не оставляет покое свои волосы в том числе). Рядом пуфик с самодельным чехлом, обрамленный длинным, свисающим вниз кружевом. Над кроватью – триптих из панно с изображениями балерин под треугольником бус (повешены так, что образуют купол). Левее перед окном расположился широкий, громоздкий стол, заваленный Алиными сокровищами. Тут и швейная машинка, и два широких самодельных органайзера: один для ниток, другой – для бус, страз и прочих декор элементов всевозможных видов). Перед ними – стопка из пары книг (на верхней из них, кажется, схемы для вязания), рядом лист со свежим наброском и стакан с ручками и карандашами, на подоконнике, представляющем продол-

жение стола стоит преобразенная обувная коробка, набитая всячиной, стопка свернутой ткани, спицы с начатой салфеткой, которую Аля вязала в качестве отдыха, слушая какое – нибудь аудио или просто сидя рядом со мной, в зале или на кухне по вечерам. В углу ютился экран компьютера с прилегающими клавиатурой и мышью. Слева торцом был придвинут еще один узкий столик, на котором громоздились учебники и тетради за 11 класс, а под него была заброшена школьная ничем не примечательная школьная сумка цвета хаки. Дальше левее аккуратно расположились стройный высокий стеллаж с книгами и шкаф для одежды. Справа на стене между кроватью и туалетным столиком висел квадратный кусок пенопласта, к которому на кнопки были прикреплены разные записки, схемы, напоминания и эскизы. А на кровати и правда лежал Васька с головой и передними лапами на новенькой подушке.

– Ну – ка, Вася, подвинься, – сказала я, садясь на кровать и сдвигая кота с подушки.

Я взяла ее и провела рукой, чувствуя текстуру ткани, материалов, гладь из ниток, лежавших одна к другой. Настоящий кот: уши, хвост с бантиком на конце, яркие выразительные глаза с длинными ресницами и бровями, нос с пышными усами, широко улыбающийся рот, через который видно красный язык, вылезаящий наружу, чтобы облизнуться. И бантик – бабочка из атласных лент.

– Аля, ну что за золотые руки! – я схватила ее руки и быстро поцеловала.

– Мам, ну перестань, – засмушалась Аля. Она сидела рядом на кровати, вместе с Васей.

– Папе было бы очень приятно. У тебя его руки, его талант. Это я отличилась своей неумелостью да неуклюжестью, – засмеялась я.

– Ты наша муза, – Аля нежно посмотрела на меня, поглаживая мои руки, хотя я прыснула:

– Хм, муза... в любом случае, я знаю, в чем заключается моя миссия и буду исполнять ее всю оставшуюся жизнь.

– Какая?

– Рассказывать окружающим о красоте. Юности и старости – людям всех возрастов. Показывать, объяснять ее.

Я ответила сразу, без пауз на обдумывание, потому что ответ на вопрос был мне давно известен.

Аля вдумчиво посмотрела на меня.

– Да, мам. Это и правда, наверное, твое предназначение, – и помолчав несколько секунд, добавила, – и ты справляешься.

Вдруг Алины глаза загорелись:

– Боже! Это так здорово – иметь свое дело, которым ты занимаешься всю жизнь и знать, что приносишь пользу людям, что ты являешься неотъемлемой частью этого мира. То есть, что ты нужен миру! – торжественно закончила Аля, не успев выдохнуть.

– Да, дочь. Я счастлива от этой мысли. От того, что я нужна, полезна. И, конечно, от того, что ты думаешь, что я справляюсь, – я благодарно улыбнулась Але.

Тут Аля, сев на кровать по- турецки и закатив глаза, продолжила делиться своими сокровенными мыслями:

– А моя миссия, заключается... заключается в том, чтобы создавать красивые, изящные вещи – куклы, сумки, бижутерия, и делать вещь особенной, придавать ей изюминку... чтоб глаз не оторвать было, – добавила она, резко тряхнув головой. – Помнишь, я тебе фотку вчера показывала: платье с вышивкой по фатину?

– Помню, шикарное платье, – я припомнила платье, обшитое объемными цветами по легкой прозрачной ткани.

– Ну вот... понимаешь? – Аля снова мечтательно закатила глаза, – и мне бы ничегошеньки больше не надо! Я бы шила на заказ, и продавала то, что уже есть. У меня был бы свой сайт, я могла бы отправлять свои изделия в другие города... и еще бы я ездила на выставки

мастеров, дизайнеров... ах... – Алю, наконец, сразили наповал ее умопомрачительные грезы, и она упала спиной на подушку.

– Да, это будет здорово. Но смысл нашей жизни не только в работе или... – мне хотелось получше подобрать слово, – ремесле.

Аля вдруг встала с кровати, посмотрела на меня и начала развивать эту мысль неожиданным для меня образом. Она зашагала по комнате, время от времени ярко жестикулируя.

– Если бы папа был жив, мы бы часто вместе гуляли и отдыхали, вместе работали бы в огороде. У него была бы мастерская, где бы всегда пахло деревом и краской. В детстве я бы забегала к нему после школы... и, может быть, сейчас тоже... и мы бы вместе ходили на твои концерты, и встречали тебя с цветами.

На последних словах Аля села рядом и обхватила мои плечи. От того объятия мне вдруг стало светлее на душе и капельку смешно и грустно одновременно: Аля была уже крупнее меня – у нее другая комплекция – и все-таки она маленькой, оставалась для меня маленькой. Особенно когда вот так запросто мечтала и фантазировала. Но вместе с тем она становилась взрослой, и мне было грустно, что в ближайшие годы она покинет свое гнездышко, а я останусь одна. Я не разделяла ее настроений, и знала, что это произойдет. И что я буду делать? Ждать внуков, а потом жить только ими?

– Цветик мой, если бы папа был жив, – я вздохнула, предаваясь своим грезам, которым уже не суждено сбыться, – мы бы уже давно не жили здесь. Мы бы с ним прожили уже много лет, подшучивая и подтрунивая друг над другом. Иногда бы спорили, поругивались бы шепотом и не только, а после – мирились. Да, у папы была бы мастерская, иногда вы бы вместе делали мебель, а я восхищалась бы вами обоими. И были бы другие дети со своими талантами.

Одно сплошное «бы».

Нас прервал телефонный звонок, я пошла ответить. Звонила Лера, сказала, что они с девочками проходят мимо и забегут к нам, если мы дома. Через пять минут они втроем уже раздевались в коридоре, после того как все мы обменялись объятиями и поцелуями.

– Откуда вы, красавицы? – спросила я у девочек.

– Из паарка, – протянула Ксюшка и упала на меня, крепко обнимая мои ноги – выше она в свои три года еще, конечно, не доставала.

– Маму сегодня пораньше отпустили с работы, она забрала меня с шахмат, Ксюшу – из садика, и мы пошли в парк веселиться: мы бегали, качались на качелях, ели сладкую вату и купили два шарика, – затараторила Люся (ей было уже восемь лет, поэтому болтать у нее уже очень хорошо получалось). – Смотри, тетя Гель.

Люся указала рукой на шарики, которые вплыли в квартиру вслед за ними. Два гелиевых шарика в форме бабочки и пчелы – я даже не заметила их. Сама Люся стояла возле присевшей на корточки Али и поглаживала ее косы.

– Здорово. Ваша мама, значит, тоже рано освободилась сегодня? – я с любопытством посмотрела на Леру.

– Да, у мамы свет на работе отключили, а без света отчет не отправишь, – Лера игриво улыбнулась и пожала плечами. Глядя на ее задорную улыбку и на кроссовки, в которые даже не знаю, где она успела переобуться после работы, я представила, как она сама поела на ходу мороженого в парке и побегала за дочками. Я двадцать лет знаю Леру, и мне отраднее наблюдать, что природа ее не меняется.

– Аля, пойдём, – Ксюша подбежала к Але и потянула ее в ее же комнату.

– О, пошли, Аля, покажешь, что у тебя новенького. Поиграем, а то мы ненадолго зашли, – подхватила Люся и оглянулась с просящими глазами на маму.

– Идите, идите, – Лера махнула рукой. – Гель, мы, правда, ненадолго. Пошли кофейку выпьем?

– Пойдем, пойдём.

Лера тяжело приземлилась на стул и облокотилась о стол. Держа рукой свою голову, с наспех собранными в хвост спутанными от бега волосами.

– Интересно, на кого я похожа? – вздохнула она.

– Ты похожа на себя, – засмеялась я. – Сейчас приведешь себя в порядок и будешь похожа на себя взрослую.

– О, – опять вздохнула она, – а мне правда иногда не верится. Тридцать три!

– Красивый возраст, – заметила я, наливая кофе.

– А у тебя?

– У меня?.. – задумалась я, – да мне уже все одно. Хоть тридцать три, хоть тридцать семь.

Хоть сорок... – добавила я.

– Не говори так, – тряхнула головой Лера. – У тебя любимая работа, любимое хобби... дело, – нашлась она, как назвать мои выступления в спектаклях и на концертах. – Доченька – умница. А в личной жизни... Гель, ты, конечно, извини, но столько лет прошло. Я думаю, что Альберт, глядя на тебя, – Лера подняла глаза вверх, указывая на брата, – желает тебе счастья. И он бы точно был рад, если бы у тебя все сложилось. Давно уже.

Я прикрыла на секунду глаза от легкого стука в голове.

– Нет, Лер, дело не в этом. Я не смущаюсь перед Альбертом, мне не стыдно. Просто у меня не получается, я не могу. Все это так наигранно, неестественно, противно... Вот за что мне было бы действительно стыдно перед ним!

Это была моя первая и последняя попытка закрутить роман. Как вспомню – в дрожь бросает. Фу! Мы раз танцевали в ресторане, и то мне казалось, что руки у него слишком волосатые, то, что ладонь его на моей спине слишком влажная, и старалась отстраниться. А когда он попытался поцеловать меня, я и вовсе отпрыгнула, как малолетняя девчонка, стоило ему прикоснуться к моим губам. Очень скоро я сама прервала наши так называемые отношения и совсем оставила мысль найти кого-то. Это было свинством и по отношению к тому мужчине, и к любому, кто мог бы оказаться на его месте. Потому что дома я выключала свет, укутывалась покрепче одеялом, закрывала глаза и... на моей спине оказывалась теплая жилистая рука Альберта с огрубевшими пальцами, и я засыпала.

– Ну... – Лера не нашлась, что еще сказать, – жаль, что я не твоя крестная фея. Так бы я взмахнула волшебной палочкой и все устроила, – от меня не укрылись ее попытки добавить веселых ноток своему голосу, потому что не она будет вслух выражать сочувствие и жалеть меня. Да и жить учить уж точно не будет.

Лера с девочками действительно забежали совсем ненадолго. Мы поговорили еще немного о детях и о работе. Лера рассказала о Люсиных успехах в школе и о том, как Ксюша адаптируется к саду. Последнее ее явно тревожило. Мало того, что Ксюша отпускала ее со слезами на глазах, так еще у нее не получалось поладить с другими детьми. От воспитателей сыпались жалобы на жадность Ксюши: она ни с кем не хотела делиться игрушками, ей было трудно играть с другими детьми, соглашаться на их условия в игре.

– И вообще, она намного больше вредничает там. К нам домой иногда приходит играть соседка – Марина – ей тоже три года, и они в целом спокойно играют, во дворе тоже... уже месяц так. Даже не знаю, что делать, – грустно закончила Лера.

– Почему ты не хочешь оставлять ее с мамой? – спросила я, имея в виду свою свекровь.

– Мне кажется, ей тяжело будет в ее возрасте. С Люсей – еще куда ни шло, а с Ксюшей сейчас... Я боюсь, что она сильно устает будет.

– Да ладно, Лер. Они вдвоем с отцом справятся. Им будет даже приятно, – улыбнулась я, – Аля часто приходит туда, поможет. Огород как раз подходит к концу, а на следующий год Ксюша помогать будет.

– Они сейчас Люсю забирают после школы, на дополнительные занятия водят. Ксюшу я сама успеваю забирать... не знаю. Мама предлагала, конечно...

– Лер, – я ободряюще встряхнула ее по плечу, – поговори с мамой, и не переживай понапрасну. Можно попробовать. Папа будет подольше с внучкой сидеть. Когда я свободна буду, тоже буду помогать. Не переживай, – погладила я ее по головке.

Лера подняла на меня глаза и уже успокоенным голосом сказала:

– Хорошо, я попробую.

– Вот, выше нос!

– Ты пойдешь сегодня к маме? – спросила она, допивая кофе.

– Да, скоро. Я салаты крутить буду.

– А, мы пойдем сейчас, Гель, – Лера встала из-за стола. – Девчонки, собирайтесь! Мы выходим.

– Может, вместе выйдем? Аля сразу к ним пойдет. Сейчас спрошу, – я пошла к Але.

Стоял сентябрь, между прочим изумительный по сравнению с прошлым годом. Поскольку мы шли к бабушке, то сильно не наряжались. А я и после работы еще не переоделась. Так что я, сменила свои джинсы с блузкой на спортивные штаны и кофту попросторней и тоже была готова к выходу.

Лера, обувшись, весело посмотрела на мою «гулю» на голове и спросила:

– У тебя дела совсем неофициальные?

– Совсем, – пропела я.

Скоро мы попрощались (на первом перекрестке где, всем нам нужно было разойтись), и я пошла своей дорогой по совсем малолюдному, уютному и романтичному, Старому Центру, спускаясь к расположившейся внизу церкви, вдыхая аромат горячего свежеспеченного хлеба и сладких булочек – запах, который много лет витает в этом воздухе. Вот я уйду дальше и дальше от хлебозавода, а аромат как будто и не ослабевает. Поворачиваю налево, направляясь в менее цивилизованную часть района, где здания купцов еще не отреставрированы, вид у них полуразрушенный, но все же величественный: им известно свое происхождение и они гордятся им и счастливы быть частью осеннего пейзажа, рады, что их контур на асфальте обрамляют толстые широкие ободки осенних листьев, и что воздух здесь чище (как будто для них), и что пустынные улицы и ясное небо располагают для раздумий, воспоминаний...

Направляясь к спуску к реке, я медленно пересекла безнадежно погруженный в себя и свою память сквер Фомченко, запечатлевая каждый кусочек пейзажа, который представлялся моему взору. Огромная тень величественного тополя, притаившегося где-то на затворках. Мох и сорная трава, прорастающая между старыми, треснутыми плитами. Низенький мраморный заборчик с ковanej решеткой, ограждающий святилище – место разрушенного Троицкого собора, где теперь покоились почетные граждане старого города. Одинокий, забытый молодежью, оставленный с его сложным, противоречивым внутренним миром, соединявшим чтимую память о разрушительной Советской власти и воскрешенную – о добродетельности купцов и протоиереев.

Пышные золотые кринолины скромно или стыдливо прятали обломанные бетонные ступени, так что я смела часть листьев перед собой, дабы не попасться в ловушку и... крутить вечером чертовы салаты!.. а так можно и попасться! Можно еще куда-нибудь попасться...

Меня охватила жуткая тоска и паника, и я, положив ветровку на ступень, села на нее. Я хотела переждать эту бурю здесь, а потом спуститься и побродить по побережью.

Говорят, что со временем становится легче. Что время лечит. Может быть и так. Может, мне и было легче. Но в последнее время что-то меня мучило. Особенно когда я оставалась одна, и навязчивые мысли роем налетали на меня. Мысли о будущем. Мне очень трудно представить свое будущее. И я чувствовала себя эгоисткой, чувствовала, что не имела права ТАК себя чувствовать. Во – первых, у меня есть родители, которым я буду помогать. Во-вторых, у меня будут внуки, и я буду занята помощью Але, хоть утонуть смогу во внуках, всю себя им подарить. В- третьих, у меня есть школа и театр, и концерты... О, добрая половина женщин

нашей планеты умерла бы от зависти! Да, надо успокоиться, взять себя в руки. И перестать жить несбывшимися мечтами и...

Мне нужно просто смириться.

Когда-то передо мной лежала раскрытая карта моей жизни. Плавными линиями была намечена непроторенная дорога по предстоящим десятилетиям, крестами обозначены зарытые клады на обочине. Потом дорогу обрубали, добрую половину карты стерли, оставив лишь ту часть, которая была пройдена. Я оказалась в пустыне и начала выстраивать свой путь заново, не опираясь ни на какие схемы и не составляя их. Просто разрывать песок руками, не интересуясь тем, что ждет впереди. Даже у случайно встреченных путников. Так я, забыв о будущем, долго удачно избегала столкновения с ним. Теперь, приближаясь к неизбежному, я вспоминаю о нем, но уже поздно. Скоро будущее станет настоящим, а я так и не успела с ним познакомиться. Даже шапочно.

Три дня назад мы с Алей ездили к Альберту. Ему исполнился сорок один год. Пока мы были у него, Аля неожиданно попросила у меня прощения за то, что не тоскует по нему так, как я. А я сказала ей, чтобы она, глупенькая, не думала об этом. Что это к лучшему. На самом деле Аля много знает о нем и понимает и чувствует, что с отцом у нас была бы совсем другая жизнь, нежели сейчас. Однако я видела, что Аля пребывала в глубоком раздумье. Дома вечером сказала мне: «Ма, ты знаешь, может, папа на самом деле не совсем такой, каким я его представляю, но иногда мне кажется, что я знаю, как бы он повел себя в какой-то ситуации. Иногда он мне снится. Говорит со мной» «Ах, ты моя девочка», я только могла прижать ее к себе и плотно сжать губы, чтобы сдержать крик печали, который готов был вырваться наружу в любой момент. «Аленька, ты его и видишь. Настоящего. И представляешь себе его правильно. И он на тебя смотрит с неба». «Да, мам. И я чувствую, что люблю его. Правда. Но, я хочу признаться... И, мам, я думаю, папа бы сказал сейчас тоже самое, – Аля странно отвела взгляд в тот момент, как будто хранила тайну, – потому что он тебя любит. И я тебя люблю. Я бы так хотела, чтобы ты вышла замуж, и у тебя родился мальчик! Который бы носился во дворе, лазал по деревьям, хулиганил, схватывал двойки в школе, шалил...» «Ах, вот ты какая добрая, – я лукаво улыбнулась ей, глядя на ее смущенное личико. – Ладно, Аль. Я бы тоже очень хотела, если честно» «А почему же ты не замужем?» – казалось, она не ожидала такого ответа и была поражена. «Почему все не так?» – «Потому что все не так просто».

Что поделать, Аля осталась было в замешательстве, но я ответила честно. Мы не властны даже над собою. Мы не в силах приказывать своему сердцу. И порой мы не в силах приказывать себе идти против сердца, даже ради самых страстных желаний.

Я подняла голову и заметила мужчин, рыбачащих на противоположном берегу. Мне в лицо подул холодный ветер, принес с собой горькие воспоминания. Хотя я предпочла бы льдинку от Снежной Королевы.

Он открыл во мне потайную дверку, за которой хранилась запись о том роковом дне.

Я была на восьмом месяце беременности, а мы все еще не придумали имя малышу. То есть малышке. Мальчик был бы Ромой.

Стоял октябрь. Позднее ленивое утро воскресенья. Мы уже позавтракали. И даже успели о чем-то серьезно поспорить. Я проклинаю себя за этот спор, но почему-то я очень быстро забыла, о чем мы поспорили, и так и не смогла вспомнить. С другой стороны, может, оно и неудивительно. Ведь обычно мы действительно быстро забывали наши разногласия.

Я уютно сидела на нашем диване в домашнем платье, аккуратно натянув плед на живот, и, радостно ворковала с Алем. Он выспался за всю неделю и был в приподнятом настроении. Ему очень хотелось сделать мне что-то приятное, и он использовал сою неправоту в споре как причину заглядывать свою вину и задобрить якобы капризную жену. Он сел рядом со мной, одной рукой обнял меня за плечи и, яро, напоказ, потирая висок другой, пробормотал: «чем бы, чем бы мне удивить нашу мамочку?» Сказав это, он положил свободную руку мне на живот

и почувствовал пинок прямо по ладони. «Тебя тоже надо чем-то удивить?» Я в очередной раз полюбила его открытым лицом. Высокий лоб, густые вороньи брови и большие почти черные глаза, которые своей формой выдавали его казахские корни, прямой нос и всегда широкая сияющая улыбка. С утра тот день казался таким счастливым...

– Я знаю, – сказал он внезапно, – Геля, я сбегаю сейчас в Ларек к Эльчину и куплю тебе разных вкусностей. Он должен был привезти на той неделе. Может, еще что осталось. Ну, говори, чего хочешь?

Аль вскочив, побежал в коридор обуваться.

– Ты куда побежал? – удивилась я. – Подожди. Давай просто погуляем вместе, – я тоже встала и пошла к шкафу за одеждой.

Аль, пританцовывая, кинулся ко мне.

– Мы обязательно сходим. Дай только я быстро сбегаю. Он уйдет скоро. Воскресенье же! – тут он взял мой голову в ладони, поцеловал в лоб и прибавил шепотом на ухо, перебирая мое имя, – я скоро вернусь, а мой Ангел пусть пока расправит крылышки. Я вернусь, и мы вместе полетим куда-нибудь.

Аль быстро чмокнул меня еще раз и выбежал из квартиры. Ну, думала я, ничего не подлаешь: такое у него сегодня щедрое геройское настроение, и начала неторопливо одеваться. Однако, когда он не вернулся через двадцать минут, я начала беспокоиться, а через полчаса – забила тревогу. Хотя я знала, что он мог остановиться поболтать с соседом, но сердце мое быстро забило и громко ухало внутри. Ларек был в квартале от нашей пятиэтажки: нужно было выйти из нашего квартала на улицу, пройти один квартал влево, перейти дорогу на перекрестке – все. Давно одетая и готовая выйти, я не могла ждать больше. Я ожидала встретить его здесь у подъезда или на углу дома – заболтавшегося с дядь Сашей с нижнего этажа, но не дождалась.

Я пошла к ларьку. Вот я быстро шагаю по тротуару и вижу, что там, в конце, у дороги собирается толпа зевак. Я ринулась к толпе. Он лежал с застывшей улыбкой, у раскрытой ладони – мешочек с грецкими орехами. Грудь в крови. Что-то дикое, громкое, страшное вырвалось из моей груди, когтями пройдясь по горлу...

И наступила темнота. Там летал мой ангел среднеазиатского происхождения и кормил меня и нашу малышку орехами.

Когда я очнулась, рядом со мной сидела женщина. Повернулась ко мне, услышав, что я пришла в себя и как-то не к месту сказала: «Ну что ты, дорогая, совсем не бережешь себя? Твой, да?» Не дослушав ее, я резко сорвалась с места, видимо, причинив боль ребенку, да и себе, но я не обратила на это никакого внимания, только подхватила живот руками. Вмиг оказавшись около Альберта, я как безумная, начала судорожно расстегивать его куртку, верхние пуговицы на футболке, рвала футболку, никого не видя и ничего не слыша. Я все еще не верила. Я хотела узнать, что его еще можно спасти. Только на секунду я обратила внимание на людей вокруг. Подняв голову, обращаясь ко всем, я спрашивала о «скорой». На меня тупо, непонимающе глядели, а я повторяла и повторяла свой вопрос, недоумевая, почему никто не может ответить. Наконец, ко мне подошел пожилой сухонький мужчина, низкого роста и наклонил ухо к моим губам. Он ответил, что вызвали. И добавил, что надо бы еще кому-нибудь из родственников сообщить. Отвернувшись к Алю, я не уже не слушала его, но он тотчас протянул мне ручку с бумагой, попросил написать номер, не обращая внимания на мои по – локоть окровавленные руки. На автомате я нацарапала два номера: своей матери и родителей Аля.

Я ждала скорую. Я ждала, что они спасут его, хотя сердце не билось больше. Я сидела возле него и, глядя его лицо и волосы, подбадривала, просила дожидаться скорой. Впервые в жизни мне было абсолютно наплевать на окружающих. Я могла бы сейчас голая на метле летать и просить у дьявола за Аля на глазах у всех.

Мне было плохо. Меня вдруг стало тошнить, я не успела добежать до урны. Да и не знала, где она, просто побежала куда-то и снова вернулась к Алю.

Наконец, приехала «скорая». Меня сразу было велено «убрать», и кто-то из зевак даже начал деликатно отводить меня, но я с неизвестно откуда взявшейся силой оттолкнула его и медбрата в сторону, оставшись подле Аля. Все свое внимание я сосредоточила на фельдшере, упустив из вида его лицо, выражавшее беспомощность и безнадежность, как только он увидел Аля. Он молча осматривал Аля, как будто не замечая меня! Тогда я накинулась на него с единственным вопросом. Он сочувствующе взглянул сначала на мой живот, потом посмотрев мне в глаза, сказал: «я сожалею, он скончался сразу после выстрела». Слезы разочарования, потери последней ложной надежды затуманили мне глаза, и я вскинула к нему свои окровавленные руки: «Ты понимаешь, он сейчас головой качал. Вот так (показала я). Когда слушал меня. Понимаешь?»

Тут же одновременно прибыли милиция и наши родители – моя мама и мама Лида с папой. Я была с Альбертом. Они бросились к нам. И, хотя лица их были черными, оттенявшими то горе, которое черной тучей сейчас нависло над нами, казалось, что и сейчас они неосознанно стараются держать себя в руках, сдерживая крики и слезы, которые рвались наружу. Мама отвела меня на газон, наскоро отмыла руки откуда-то вдруг взявшейся водой. Затем она быстро подошла к родителям Аля, что-то сказала им, и, дотронувшись до плеч обоих, вернулась ко мне и повела меня к незнакомой машине. Я очнулась, только услышав адрес матери. Тогда я открыла дверь, отрезав: «я никуда не поеду» и вышла. Мама вышла за мной: «Геля, его увезут сейчас. С ним поедут Лида с Колей. Тебе нет смысла ехать. Да и поесть надо. Отдохнуть. Малыш ни в чем не виноват, помни об этом. У него свой режим. Пойдем». Мама мягко подтолкнула меня к машине, но я опять воспротивилась: «Мама, я буду здесь. Пока он здесь. Потом я пойду домой. К нам», – я указала рукой в направлении нашего дома. «Бедный мой, вон, видишь? Они поехали», – сказала мама. И правда, куда-то поехали. Бедная мама, ее голос дрожал, ей было трудно держать себя в руках. «Ну, хорошо. Пойдем» Она расплатилась с такси, и, обняв меня правой рукой, медленно, не торопясь, повела меня домой. Я слышала, как шепотом с ее губ срывались ласковые и сочувственные слова, восклицания... Но мне она не сказала ни слова о нем в тот день.

Мой мозг, мое сердце – все было сковано чем-то: ни единой мысли, ни единого чувства. Я вполне комфортно чувствовала себя пустышкой со стеклянными глазами. Пока мы не переступили порог квартиры. Тут я увидела. И меня прорвало. Здесь, где он в последний раз поцеловал меня, где в последний раз любовно переврал мое имя. Бедная мама стала свидетелем моей истерики и пыталась меня унять. Я бы честно хотела остановиться, но каждый раз пытаюсь задержать дыхание, закрыть рот, я видела какую – то мелочь, в моей голове начинали мелькать ни для кого больше непонятные картинки, и все начиналось заново. Я выбежала на улицу, позабыв о маме. Чего только не было тогда у меня голове. Мне представлялось, что сейчас я встречу убийцу Аля и сверну ему шею. Голыми руками. Но когда я сбежала с лестницы, мне стало колоть живот, колено – ныть, и пришлось замедлиться. Эгоистка, я действительно, позабыло о ребенке. Мама нагнала меня возле торца дома, все же привела домой и напоила валерьянкой. Доза была немалой, я полагаю, и вскоре я уснула. На том же диване, да. Когда я проснулась, был вечер, я умирала с голоду. Это был самый отвратительный ужин в моей жизни. Я ужасно хотела есть и навернула две тарелки только сваренного супа, но пока я ела, мне тянуло выплюнуть каждую съеденную ложку. Я не хотела никого видеть и попросила маму уехать. Она отказалась, сказав, что отправила моего младшего брата Пашу к старшему, Саше, и переночует у меня. Решение ее было твердо и непоколебимо. Я долго и не сопротивлялась. Мне только было неловко из-за своего поведения, не могла тогда вести себя как обычно и не думала, что маме нужно это видеть. Но...

На следующий день она, отлучившись на пару часов к себе домой, приехала снова. И мама Лида с папой – они втроем очень часто приезжали. Выманить меня куда не могли. И я просила, чтоб детей с собой не привозили – Пашу с Лерой. Я не хотела никого видеть, меня это нисколько не заботило. Родители всегда привозили с собой много еды, боялись, что я буду голодать. И даже следили, чтобы я ела. Но продуктов было слишком много, и многое портилось. Они успели обустроить комнату для ребенка, подготовили все, что нужно. Я ведь и о малыше тогда совсем почти не думала. И это была моя самая большая ошибка. Они ведь даже переехать к нам хотели: кто же будет заботиться о новорожденном? Хорошо, хоть не забрать. Они передумали, как передумали переезжать, встретившись со мной после рождения внучки.

Когда я увидела ее, в моей жизни началась новая история любви. Я все не могла оторвать глаз от ее длинных ресничек, ямочки на подбородке, крохотного носика, ловила каждое мгновение, когда ее черные смородиновые глазки были открыты и смотрели то бывало на меня, а то заглядывали в неизвестный, неведомый мне мир. Гладила ее пушистую черную головку и таяла от первых прикосновений. Я очень сожалела о том, что почти не думала о ней последние да месяца. И вообще вела себя не по – матерински: я не хотела кормить ее вовремя, режим мой был в ужасном беспорядке (я часто не спала ночами, досыпая потом днем), мало гуляла, и много нервничала (если можно так выразиться). Но теперь я была покорна маленькому человечку, я готова была жить для нее, для нашей дочурки. Она пролила свет на тот мрак, в котором я пребывала последние два месяца, и, наконец, передо мной вновь расстилалась длинная дорога, конца которой было не видно. И теперь мне есть ради кого по ней идти, осторожно ступая, расчищая ее от острых камней и булыжников, чтобы следом за мной по ней прошла ОНА, своей легкой беззаботной походкой. Я готова была идти, пусть и не глядя вперед.

Как раз там, в роддоме, в день нашей встречи у нашей девочки появилось имя. Мы ведь не успели придумать имя для дочки. Оно просто слетело с моих губ, когда я в первый раз погладила ее по головке: «Аля». К дню выписки я, наконец, выбрала для Али полное имя – Алиса.

Наша безмятежная жизнь с Алей продолжалась примерно до ее трех месяцев. Хоть мы жили очень скромно (я не работала еще совсем, пользуясь помощью родителей), но все же ничто не омрачало нашу жизнь. Но, сдав в марте сессию, я решила обратить внимание педиатра на то, что уже около двух недель не давало мне покоя. Когда Аля улыбалась, левый уголок рта чуть-чуть съезжал вниз. Врач сказала, что все это ерунда – просто небольшая родовая травма: «поделай массажик сама. Вот так. И все встанет на место». Что ж я старательно делала массаж, но результата не было. Только Аля то совсем не реагировала, как будто не чувствуя мой палец, не старалась поймать как обычно, то морщилась от боли и хныкала. Я заметила, в каких точках оказывается мой палец, когда она начинает хныкать. Через месяц я снова обратилась к педиатру, рассказав, что теперь, и вообще по мере того, как Аля растет, это становится заметнее. Она хотела убедиться. В ее кабинете мне пришлось приложить все силы, чтобы заставить Алю улыбнуться при постороннем человеке. Мы довольно быстро управились, но этой женщине нужно было взглянуть еще раз. Что ж, пожалуйста! Она выписала направления к хирургу и к неврологу. Диагностировали врожденный парез лицевого нерва, но конкретных прогнозов не давали. Никто еще понятия не имел, как будет развиваться наша проблема, поменяет ли она знак минус на плюс. Добрые, но явно беспомощные дяденьки в халатах решили пока наблюдать и посоветовали платные массажи в одном медцентре, если «у вас есть возможность». Конечно, «у нас была возможность», и мы начали посещать специально обученного человека, который правда, делала все как будто не лучше меня. Мало того, что я стояла рядом и каждый раз проклинала его, когда он причинял боль дочке, так и Аля, естественно, относилась явно с недоверием к этому ничего не выражающему безразличному мужскому лицу. А улучшений все не было. Я же поняв, что нужны дополнительные средства, смогла найти учеников на частные

уроки и занималась с ними по два полных дня в неделю. Как раз чтобы хватала на курс массажа. И иногда на уколы. С Алей сидели бабушки и Лера. Самостоятельно никакой информации я найти не могла, о доступном интернете еще не слышала, а проблема наша была довольно узкая и редкая.

Дело шло к году, дела наши были не то что бы хуже, но заметнее. Я устала мучить Алю массажами и пусть редкими, но от не менее болезненными уколами. При том, что мне даже не то что ничего не обещали, мне не давали вообще никаких прогнозов, и про какие-то видимые в будущем результаты почти не говорили. И так, у нас в городе не было мало – мальски компетентных специалистов.

Тогда, не помню какими путями, через десятые руки, я все же вышла на специалиста. Но к нему на дорожную консультацию нужно было ехать с маленькой Алей через триста километров. Не так плохо. Мы съездили. Дело было весной, Але было больше года. Выехали ночью. Вез нас папа с мамой Лидой. Полдня провели в клинике, бегая, выясняя... Не давали Але спать до приема. Старалась подбадривать ее сонную и недовольную во время приема и внимательно слушать врача. Что ж, по крайней мере, я была благодарна ему за то, что он со всей убедительностью своей авторитетной персоны признал, что никакой пользы в наших процедурах нет и их нужно прекращать. И тут же разочаровал: операция не поможет, в нашем случае она бесполезна. И я должна радоваться: «внешне девочку это почти не уродует, да и неудобств не доставляет, и сопутствующих проблем – тоже; у некоторых развивается тугоухость, возникают проблемы со зрением и прочее. Вы даже не представляете! Радуйтесь, мамочка» Он по – отечески, тепло взглянул на маленькую пациентку, не смея приблизиться, видя ее хмурое красное личико. «Но, послушайте, – решила я задать главный вопрос, который меня теперь беспокоил, – конечно, здорово, что хоть в этом нам повезло, но... понимаете, я переживаю о социальной жизни. То есть... дети жестоки... им многое непонятно, а тут... как будут дети реагировать на ее улыбку, смех? Я боюсь за Алю. За то, что дети будут обижать ее. Боюсь, что, возможно, у нее не будет друзей». «Дорогая, не мучайте себя. Пока ребенку кроме семьи никто не нужен. И вы успеете еще подумать, как можно решить проблему с социумом. А пока идите и отдыхайте. Девочка устала. И поверьте, вам крупно повезло».

Да, нам повезло. Я ему искренне верила. Но что будет потом? До школы обойдемся как-нибудь. А в школе?..

Через год я заочно закончила институт, проведя этот год действительно спокойно, не гоняясь за авторитетными светилами, не бегая с Алей на массажи, не терпя бездушного массажиста возле своей дочери, не гоняясь за деньгами, работая по четыре неполных дня в неделю, частично оплачивая коммуналку. Мама работала, мама Лида работала неполную неделю в музучилище. Приходили они, когда я работала, иногда по вечерам и по выходным. Да еще приходили Лера, Коля и, бывало, Саша. Жили мы снова относительно беззаботно, а родственники не давали скучать.

Окончив институт, я пошла работать в школу, а мама Лида вышла сидеть с Алей. Речь о садике не шла. Мне нужно было, наконец, содержать свою семью, да и запросы у нас уже росли.

Но в школе, оказалось, что хоть и работаешь до пяти, но тетрадей на проверку – вагон и маленькая тележка (по весу тоже), планов писать много, нервы порой сбегает безвозвратно, внеклассная работа разрасталась и липла ко мне своими щупальцами, на литературу – часов мало, и на нее здесь плевали, да и толку – мягко говоря немного. По счастливой случайности я оказалась в своем педагогическом университете, начала преподавать историю русской литературы и зарубежную литературу. Система казалась здесь логичней, удовлетворения от работы больше, зарплата – более соизмеримой с затрачиваемым трудом. Нашла побольше частных учеников и успевала в пять освобождаться и ехать к Але.

Однако время шло, и я все внимательней наблюдала за отношением детей к Алиной особенностями, все больше думала о предстоящей школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.